

Червонец, выбитый зуб и черная хула — как евреи с эпидемиями боролись

Еврейское кладбище в Сатанове

Еще в середине XIX века причины эпидемий были непонятны даже ученым. Что уж говорить о простолюдинах, видевших в этой напасти исключительно кару Господню и/или колдовство с происками злых сил. Все это от души замешивалось на дичайших суевериях. В небольших местечках, где народ в естественных науках был не силен, а в сверхъестественных — наоборот, предрассудки цвели махровым цветом. Соответственно с эпидемиями боролись не столько санитарными методами (мытьем рук, кипячением воды и т.д.) сколько разнообразными ритуалами.

Самым распространенным было опахивание. Его проводили сразу же, как только в город, местечко или село приходила Болезнь. Считалось, что опоясывающая поселение борозда выполняет функцию защитной черты не пускающей чумное (холерное, оспенное, etc.) колдовство к людям. Подобное, кстати, видим в гоголевском «Вие», только там черта проводилась мелом.

Одинокая борозда имела и практическое значение — она предупреждала путников, что в опаханный населенный пункт лучше не соваться.

Поскольку речь шла о магическом ритуале, банальные кони и волы для него не годились. Плуг традиционно тащили женщины, чаще всего — вдовы или же, наоборот, девственницы. Иногда нагие — считалось, что колдовство может спрятаться в одежде. В местечках с интернациональным населением в плуг поочередно впрягались представительницы всех общин.

«Выпахивание» холеры во время эпидемии. Окрестности Екатеринославля, XIX век

Были у евреев и сугубо национальные противэпидемиологические ритуалы. Причем все известные автору, были «завязаны» на кладбищах. Упоминание об одном из них сохранилось в историческом анекдоте, до сих пор популярном в Сатанове (в разных интерпретациях автору его рассказали человек пять).

Привратник и червонец

История эта, скорее всего относится к эпидемии холеры, поразившей Подолье в 1830 — 1831 гг. На пике мора главы еврейской общины Сатанова решили-де провести защитный ритуал и в качестве кладбищенского сторожа специально

наняли какого-то залётного москаля, прижившегося под боком местной вдовушки. Инородец, иноверец, да еще и зайда-чужак брал на себя роль обрядового привратника — Харона мира мертвых.

Согласно заранее обусловленному сценарию москаль должен был насмерть стать на пути очередной похоронной процессии и не пускать ее на кладбище. Мол, сколько можно умирать? Хватит уже! Места для могил не осталось!

Во время «ссоры» с могильщиками ритуальному сторожу вменялось как можно чаще повторять ключевые слова: «Хватит умирать!», «Достаточно смертей», «Нет больше места для холеры», и тому подобное. Классический образчик магии слова.

После долгого спора, привратник должен был «сжалиться» и в обмен на серебряный рубль пропустить процессию на кладбище, сказав напоследок: «Это последнего хороните. Всё! Больше смертей от холеры в Сатанове не будет, потому что места на кладбище уже не осталось!».

На еврейском кладбище. Фото: Mykola Swarnyk

Москаль-Харон сделал все, как договаривались. Даже лучше! Поэтому

организаторы обряда, вместо обещанного рубля ткнули ему золотой червонец. Рассказывают, что «сторож» от такого аттракциона невиданной щедрости сначала потерял дар речи, а потом, мол, воскликнул: «Ничего себе! Да я за такие деньги весь Сатанов здесь уложу!»

Одним словом — все испортил, после чего вся магия ушла коту под хвост.

Понятно, что этот анекдот придумали уже после эпидемии. Юмор — обычная защитная реакция человека на пережитый ужас. Но есть в этом и зерно правды: упомянутый обряд — абсолютно реальный. Об этом свидетельствует и то, что эта история в разных вариантах известна и в других бывших местечках.

На самом деле, упомянутый сторож никогда ничего подобного не ляпнул бы. К противохолерной магии в те времена относились крайне серьезно — болезнь ведь косила всех без разбора.

«Черная свадьба»

Этот ритуал характерен для хасидских общин Восточной Европы (в первую очередь территории бывшей Речи Посполитой).

Считалось, что для прекращения эпидемии на кладбище нужно сыграть свадьбу. Понятно, что никто из обеспеченных членов общины жениться среди надгробий не хотел. Для этого подбирали самых социально незащищенных — сирот, инвалидов, нищих и так далее. За согласие встать под хупу в столь необычном месте кагал обязывался купить молодоженам дом и обеспечить приданное.

Согласно еврейской традиции, мертвые печалются, что не могут исполнять заповеди, в том числе участвовать в свадебном торжестве и радовать жениха и невесту в этот особый день. И только на «черной свадьбе» обитатели некрополя могут почувствовать себя желанными гостями и исполнить великую мицву. Соответственно после связывающей живых и мертвых церемонии, усопшие с радостью свидетельствуют на Небесном Суде в пользу общины, пригласившей их на свадьбу. Да и сам Господь становится благосклонным к организаторам — считается, что на «черной свадьбе» Он выступает в роли свахи.

«Черная хупа» во время эпидемии холеры в Иерусалиме, 1865. Фото: Library of Congress

Кроме того, община в глазах Всевышнего и усопших «адвокатов» выступала благотворителем — ведь она буквально осыпала материальными благами беднейших и самых обездоленных представителей кагала, которые могли начать достойную жизнь.

Обряд получил свое название благодаря цвету хупы — для обряда использовалась преимущественно черная материя. Есть свидетельства, что в местечках Украины «черную хупу» поднимали еще в 1920-е годы во время эпидемий пресловутой «испанки» и тифа.

Праведный Бешт и выбитый зуб

О заступничестве мертвых рассказывается и в хасидском предании, записанном в том же Сатанове. Случилось это в XVIII веке, когда город поразила эпидемия чумы. В отчаянии люди обратились к праведному Бааль Шем Тову (Бешту), чтобы он своими молитвами отвернул мор от местечка.

Цадик срочно приехал в Сатанов и приказал, чтобы самые уважаемые мужи обошли дома всех евреев и проверили — не согрешил ли кто, и не нужно ли этот грех исправить. Но все в домах было хорошо, и никаких значительных проступков за их обитателями не числилось.

Тогда послал Бешт проверить кладбище — может, там что не так? Ревизия установила, что есть там одно заброшенное надгробие, очень старое с почти стершимися от времени надписями. К тому же оно упало и раскололось.

Услышав это, Бешт тут же поспешил на кладбище. Постоял у могилы, помолился, а затем приказал ее раскопать. Очень удивились тогда евреи — могила хоть и была едва ли не самой древней на всем кладбище, но покойник лежал, будто вчера похороненный и одежды его были, как новые.

Встает тот мертвец из могилы, кланяется Бешту и говорит:

— Приветствую тебя, мой господин и учитель!

— И тебя приветствую, но не знаю, кто кому учитель, может ты мне? — скромно отвечает Бешт.

— Нет, нет, — я точно знаю, что именно ты мне господин и учитель, ты на ступень выше меня, — молвит покойник.

— Если так, — отвечает Бешт, — то прошу тебя — замолви слово за жителей Сатанова перед Господом, пусть отведет от них мор.

На что мертвец и отвечает:

— Нет, учитель, не буду я просить, потому что очень зол на них!

— За что, — удивился Бешт. — Чем они перед тобой провинились?

— Обидели меня, учитель, местные могильщики. Как приходят они на кладбище копать могилу, то напиваются и творят всякие безобразия. Вот,

недавно, копали они могилу рядом и были так пьяны, что не заметили меня, задели лопатой мои кости и выбили зуб. Поэтому очень зол я на них...

«Бааль Шем Тов», худ. Герман Гольд

Отвечает ему Бешт:

— Пожалуйста, покажи этот зуб. Обещаю, верну тебе его.

Получив желаемое Бешт и говорит:

— Как и обещал, я тебе отдам его, но не сейчас, а при следующей встрече в Лучшем Море. Пока же прошу тебя, заступись перед Всевышним, за это местечко — пусть чума уйдет отсюда, и пусть здесь больше не будет двух смертей в один день и двух больных в одном доме. А пока ложись в могилу и ожидай меня, тогда я тебе этот зуб и верну.

Как только засыпали могилу и поправили надгробие, эпидемия тут же прекратилась. Бешт сдержал своё слово, и когда умирал, завещал положить в

свою могилу хранящийся у него зуб, чтобы в Лучшем Мире вернуть его владельцу.

Понятно, что это лишь легенда из разряда поучительных хасидских сказок. Мораль — уважение к мертвым, и осуждение тех, кто творит на кладбищах непотребное.

С современной точки зрения эта сказка дает возможность узнать о том, как ранее представлялись причины мора. С XIX века в синагогах приобрела популярность особая молитва об избавлении от мора, составленная раби Элиэзером бар Ицхаком Папо (1785 —1828), автором книги «Пеле йоэц» («Чудесный советчик») — краткой энциклопедии еврейской этики.

Согласно традиции, в духовном озарении раби Элиэзеру было открыто, что городу Силистре, где он был раввином, угрожает смертоносная эпидемия. Небесный Суд предложил ему выбор: или вспыхнет эпидемия, но он уцелеет — или он примет на себя преждевременную смерть, искупив всю общину. Р. Папо воспользовался возможностью спасти город. Вероятно, речь о пандемии холеры (1826 — 1851 гг.). Кстати, здесь мы тоже видим разновидность «заступничества мертвых» — раби Элиэзер бар Ицхак Папо умирает, чтобы потом заступиться за свою общину.

Дмитрий Полухович, специально для «Хадашот»